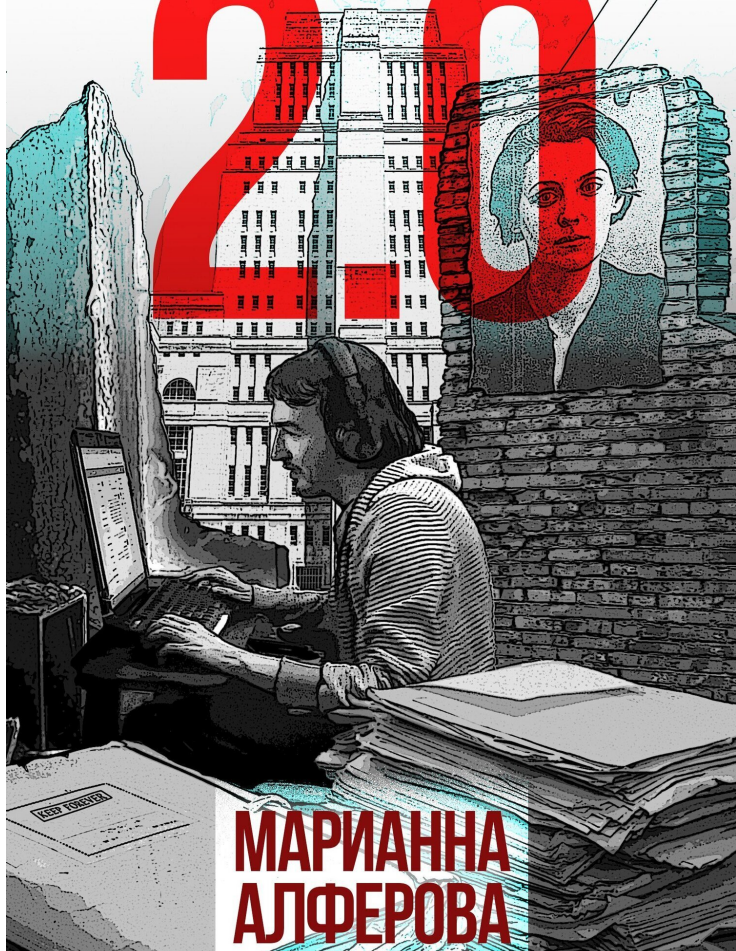

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

МАРИАННА
АЛФЕРОВА

Марианна Владимировна Алферова

Восемьдесят четвертый 2.0

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57386013

Аннотация

Прошло более четверти века с той эпохи, что описал Джордж Оруэлл в своем романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый». Пали казавшиеся незыблемые империи, эпоха Большого Брата ушла в прошлое. Или еще не ушла? Уин Спенсер трудится теперь в Министерстве правдивой информации, что расположено в здании бывшего Министерства Правды, и занимается тем, что пишет нужные комментарии в Сети. Это днем. А ночью – у него своя жизнь, ведь только за стенами Министерства он может быть самим собой и говорить, и писать все, что думает. Роман издавался в журнальном варианте в журнале “XXI век Полдень” в 2017 году, получил Премию имени Гоголя в номинации «Вий» и премию журнала Полдень. Сейчас предлагается полный текст

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Марианна Алферова

Восемьдесят четвертый 2.0

*Готов согласиться, что история большей частью неточна и необъективна, но особая мета нашей эпохи – отказ от самой идеи, что **возможна** история, которая правдива.*

Джордж Оруэлл. Вспоминая войну в Испании.

Глава 1

1

Уин поежился от холода и поднял воротник пальто. Горсть ледяной крупы, брошенная невидимой, но очень зло-вредной рукой, ударила в лицо. Уин беззвучно ругнулся. И это апрель! В последние годы весна сократилась до нескольких дней, оставив в распоряжение зимы и мерзопакостный март с пронзительными ветрами, и слякотный апрель с постоянными возвратами снега и мороза. Лишь где-то в середине или в конце мая выдавалось несколько по-настоящему теплых весенних дней. Тогда замерзшие в долгом ожидании деревья одевались листвой, и вслед за краткосрочным наплывом сладко пахнущего новой жизнью тепла следовало

лето – либо удушающе жаркое и засушливое с редкими грозами, либо холодное и дождливое, с водопадами неожиданных ливней и подслеповатым осторожным солнцем, изредка мелькающим в небесах.

Уин свернул к своему дому. Скверик, разбитый на месте разрушенной в войну пятиэтажки, начали огораживать синим железным забором. Три дерева, прежде дававшие в жару немного тени, теперь, вывороченные из земли бульдозером, лежали в серой городской земле. Их могучие корни, слишком огромные для тощих стволов и редких крон, простирались к небу – вздетые в прощальном, отчаянном жесте узловатые черные руки. Кто-то оттащил в сторону два бетонных вазона, видимо, надеясь их приспособить, скорее всего, перегородят тротуар для летней террасы ближайшего кафе. Два человека в черных робах таскали листы железа. Третий нес строительный пистолет. Скоро здесь появится очередная высотка, что торчат зубьями среди старых построек Лондона, оставшихся с давних времен, до Пробуждения. Красиво все же звучит – Пробуждение. Сразу хочет шире раскрыть глаза, оглядеться, вдохнуть полной грудью.

Все трое работают были азиатами.

Уин и сам иногда подумывал, не перебраться ли в новостройку, время от времени приценивался к новенькой студии с лоджией и непременно с просторной ванной комнатой. Но даже если ему удастся выгодно продать свою нынешнюю конуру, на студию в новом доме не хватит. Взять кредит?

При этой мысли он передернулся, будто поток холодной воды угодил за шиворот. Соседи и друзья берут кредиты направо и налево, а он на заманчивые предложения отвечает: нет уж, увольте. Так что о новой квартирке остается только мечтать, время от времени листая каталоги.

Он так задумался, что едва не попал под колеса огромного мусоровоза. Сине-белая машина, вся в грязных потеках, громыхая, втиснулась в узкую кишку проезда вплотную к новому забору. На трех стенках кузова огромными алыми буквами было написано «Победа» и рядом намалеваны какие-то неведомые ордена. Не дожидаясь, пока мусорщик перегородит бачками свободное пространство на тротуаре, Уин юркнул в подъезд. Лифт вызывать не стал – пускай подъем на третий этаж заменит посещение спорт-центра. К тому же ожидать лифт приходилось раздражающе долго – гораздо быстрее пройти пешком. Дом «Победа» нуждался в ремонте, на который у жильцов никогда не достанет денег: ремонтировать – намного дороже, чем покупать новое. При упоминании о грядущем ремонте жильцы с тоской начинали вспоминать времена Большого Брата, и тут же закипали споры: делали тогда бесплатный ремонт или нет. С каждым годом считающих, что бесплатный ремонт делали по первой же заявке, становилось все больше.

У соседей как всегда орал телекран. После Пробуждения включать телекран считалось не обязательным, но у большинства он все равно работал днем и ночью, и непременно

на полную громкость.

– Ах, вот и вы! – соседка сверху (Молли? Надя?) бегом спускалась по лестнице. – Вы ничего не видели, Уин?

– Видел? Что? – Он огляделся.

Коридор был пуст. Только неведомый цветок в треснутом горшке, да рядом кривоногий стульчик. Кто-то из соседей выходил сюда курить из квартиры и пытался приспособить эти руины для жизни, используя цветочный горшок вместо пепельницы.

– Меня ограбили! – Молли-Надя упала на стульчик подле цветка. Запрокинула голову, уткнувшись затылком в ободранную стену, затопала ногами и завывала, катая голову из стороны в сторону. Ноги у нее были белые, без загара, с синей насечкой капилляров повыше колен. – Мебель купила, новенький телекран. Недельку как установили...

– Вы бы дверь железную поставили, – посоветовал Уин, понимая, что совет запоздал.

– Я что – дура, да? Конечно, поставила! Так они, говнюки, в окно вперлись. В окно, слышите! Хитрожопые скоты! С крыши на веревке спустились, а потом в дверь с барахлом выползли. И все-все вынесли. Все, – выдохнула она, будто это был ее последний выдох и вдоха не последует. Но она дернулась всем телом и вдохнула.

Снизу раздались шаги – тяжелые, мужские. Поднимались двое или трое. Трое.

Уин передернулся. Вот так же, до Пробуждения, ночами

громыхали тяжелые ботинки агентов Министерства Любви. Так пришли с обыском и к ним. Уин тряхнул головой. Помнилось все очень смутно, но сразу появилась мягкая ватность в коленях, и захотелось прислониться к стене.

Трое показались в лестничном пролете – припорошенные тающим снегом, в серых одинаково грязноватых куртках. У того, что шел впереди, зеленел под глазом старый фингал.

– Семнадцатая квартира – это выше? – спросил человек с подбитым глазом.

– Это ко мне, – всхлипнула Надя-Молли.

– Надя Томпсон?

Значит, все-таки Надя.

Она нащупала ногами тапки, поднялась.

– А вы кто? – подозрительно оглядел Уина человек с фингалом.

– Сосед, снизу. Он тут живет. – Надя мотнула головой в сторону ближайшей двери.

– Уин Спенсер, – представился Уин.

– Карточку можно? – прищурился побитый.

Уин полез в карман, протянул удостоверение Министерства. Офингаленный глянул, чуть скривил рот – кажется, карточка не вызвала у него особого почтения.

«Почтение, – передразнил себя мысленно Уин. – Неужели думаешь, что кто-то будет тебя почитать за все, что творишь? Ты такая же шавка, как и этот...»

– Ничего не видели? – спросил побитый.

Два его товарища тем временем топали наверх, проклиная лестницу. Лифт скрежетал сломанной челюстью где-то в районе второго этажа и категорически не желал никуда ехать.

– Я на обед зашел домой, видел мусорку во дворе, – отозвался Уин. – Мусоровоз.

– Гай, – крикнул побитый, явно старший в этой троице. – Живо вниз! Глянь, может, это они.

– Там еще рабочие забор ставят. Наверняка что-то заметили, – продолжил Уин.

Гай, чертыхаясь, не спеша стал спускаться, на ходу вытаскивая пачку сигарет.

– Ни черта себе! – отдаваясь громким эхом, прогремел в пустой квартире наверху голос третьего. – Да здесь всё до последнего стакана вынесли. Красота.

Побитый двинулся наверх – поглядеть, что там и как. Не зная зачем, Уин поплелся следом. Надя жила не прямо над Уином, а в квартире напротив, над Уином проживала старушка, которая вечно его заливала холодной водой (водогрей она не включала из режима экономии) и всегда отказывалась при этом платить за ущерб.

Окно в комнате Нади выставили вместе с рамой, и теперь стена щерилась уродливым неровным проемом. Куски монтажной пены вместе с прилипшими обоями валялись на полу.

– Ни черта себе, – опять повторил служитель порядка,

оглядывая проем. — Да тут вся стена скоро хряпнется.

Ледяной ветер гулял по пустой квартире.

— Глянь, — почти с восторгом продолжал констатировать убытки полисмен, — плиту газовую, и ту сперли. Хорошо, кран перекрыли, а то бы рвануло все к черту. Дом — одна труха, сложился бы мигом. — Он восторженно причмокнул — видимо, воображаемая картина его впечатлила.

— Отпечатки можешь взять? — спросил побитый.

Его помощник поставил чемоданчик на пол и огляделся.

— Не с чего, — констатировал он. Возиться с отпечатками ему не хотелось.

— Телекран был? — спросил побитый. В голосе внезапно проступила какая-то незамеченная прежде жесткость. Как будто он в чем-то пытался уличить хозяйку.

— Я ж сказала — новый, только-только поставили. — Надя плюхнулась на пол и вытянула ноги. Вид у нее был свершено потерянный. Уину почему-то вспомнился отец после смерти матери — он так же, будто слепой, натыкался на стены и кружил, кружил по комнате. — О, Господи, да за что же!

— Вот с него, с телекрана, всё и просекли, — решил главный.

— Может, вы соседку спросите? — Уин, застывший на пороге, указал на дверь квартиры напротив. — Там старушка всегда дома. Могла заметить: мебель долго таскать, в один прием не вынести.

— Неа, не будем, — сморщил нос побитый, будто собирался

чихнуть, но никак не получалось.

– Почему?

– Бесплезняк. Это телекран. Всегда одно и то же. Проверено. Они потом барахло в комиссионку везут. Если мебель застоит, можно отловить. Но перекупщики люди хитрые, цены пишут в половину меньше, чем на новое, так что улетает со свистом. А по докам всегда тупик.

Уин вышел из квартиры и нажал кнопку звонка у соседки. Он слышал, как дребезжит внутри звонок, как шаркают осторожные шаги. Кто-то на цыпочках подошел к хлипкой двери и приложился к глазку. Глазок, правда, замазан был побелкой – грабители постаралась.

– Скажите хоть, что вы из полиции, тогда откроют, – повернулся Уин к побитому.

Но тот уже топал вниз, за ним спускался помощник.

– Когда акт составите? – Надя выскочила из квартиры, перегнулась через перила, будто хотела прыгнуть вниз.

– Завтра в участок приходите, нарисуем список. Чеки на мебель прихватите, – донеслось снизу.

– Чеки, да откуда? Вот гадство! – выдохнула Надя.

– В мусоре поищите – воры наверняка выбросили бумаги, – голос уже звучал с первого этажа.

– Мусорка только что все увезла, – предположил Уин.

Желание рвануться вниз и остановить вывоз вещдоков тут же умерло, придушенное холодным расчетом: в этом случае придется около часа – не меньше – рыться в отходах. Да и

времени нет, всего-то минут пятнадцать осталось от обеденного перерыва, – подсунул оправдание хитроватый внутренний голосок. Всегда есть оправдание, стоит только поискать. Всегда.

С минуту Уин и Надя молчали. Она больше ничего не требовала. Он – не предлагал.

– Почему вы в тапочках? – спросил Уин.

– А? Что? – повернулась к нему Надя, растерянno хлопая глазами.

– Ну, вы пришли домой... в тапочках?

– Да нет же! – взвизгнула Надя. – Я в туфлях пришла! В туфлях! А у них – вот та-а-кой каблук. Ноги болят – жу-уть! А тапочки мои воры оставили, одни тапочки.

– Хотите зайти ко мне? Я сделаю вам кофе и дам плед.

– Да на черта мне плед? К сестре ночевать поеду, – огрызнулась Надя.

Молодец, что не пошел рыться в отходах. Очень правильное решение. Уин даже мысленно улыбнулся.

– Секс не предлагаю, – сказал Уин. – Или вы потому и злитесь?

– Секс у меня был вчера. Так себе секс. И шутка твоя говно. – Надя скинула тапки и влезла в туфли на высоченных каблуках.

Дверь в квартиру старушки наконец приоткрылась, в проеме мелькнуло желтоватое пятно, и створка тут же захлопнулась.

Уин сделал шаг.

– Плюнь, – махнула рукой Надя. – Она хитрющая и всего боится. Не скажет. Ну вот, теперь придется брать кредит на ремонт. Знаете, сколько у меня кредитов? Четыре! Это пятый будет. Пятый, чтоб все их банки лопнули!

2

Уин сдернул с ручки рекламную картонку «самого нового обалденного телекрана» и открыл дверь в квартиру. Обычно в обеденный перерыв он мог провести дома минут тридцать, сегодня пятнадцать из них уже потрачены на бестолковое расследование кражи. Ради этих тридцати свободных минут он готов был пройти путь туда и обратно и заглотить сэндвич всухомятку, запивая холодным чаем, вместо того чтобы пообедать в довольно приличной министерской столовой. Правда, во второй, двадцатиминутный перерыв, можно было все же заглянуть в столовую, и он этим пользовался.

Квартира его состояла из комнаты в пятнадцать квадратов и крошечной кухоньки, за кривоватой самодельной перегородкой пряталась душевая с клозетом. Говорят, прежде это была квартира в три комнаты, потом ее разделили. Недаром многие утверждают, что во времена Большого Брата жилось лучше. Но при этом забывают, что такие квартиры могли позволить себе только члены Внешней партии. Квартиры для членов Внутренней партии были еще роскошнее, пар-

тийцы их быстренько приватизировали в первые годы Пробуждения.

Уин бросил пальто на стул, достал комп из сейфа, включил и, пока тот грузился, побежал на кухню. Кран холодной воды выплюнул на руки несколько ржавых капель. Давно пора менять трубы, но для этого каждый из жильцов должен был отвалить половину месячной зарплаты. Всегда находились двое или трое, кто категорически отказывался.

«При Большом Брате их бы заставили как миленьких!» – резюмировала управляющая домом итоги очередного бесполезного собрания.

«При Большом Брате нам бы трубы поменяли бесплатно!» – тут же кидалась в спор старушка, проживающая над Уином.

Старушка обожала Большого Брата. Поднимаясь к ней после очередного затопления, Уин отмечал, что с каждым разом плакатов и портретов Большого Брата становится все больше. Все портреты черноусого сверкали свежими красками – старушка покупала их в ближайшем книжном магазине, где отдел книг ужался до пары полок, а на остальных теснились сувениры с символикой АнгСоца, партийные значки и бюсты Большого Брата.

Уин соорудил себе сэндвич из вчерашней булки и двух ломтей клейкого сыра. С тех пор как Любимый Брат запретил ввоз сыра из Евразии, приходилось довольствоваться этой замазкой. Говорят, в городе есть подпольные магазины,

там можно купить настоящий сыр из Голландии или Франции. Надо будет у Майкла спросить.

Громкое «блямс» сообщило, что комп загрузился и вывел Уина в Сеть, на сайт «Двойной поворот».

Уин вернулся в комнату, пытаясь на ходу откусить от сэндвича кусок побольше. Вся обстановка комнатенки состояла из огромного телекрана, который занимал половину стены напротив окна, журнального столика, длинного узкого зеркала, стула и продавленного старого дивана. Вместо шкафа имелись вешалка и пара крючков на стене. Телекран не работал после того как соседка сверху залила квартиру Уина в очередной раз. Правда, Майкл, Уинов шеф, был уверен, что и неработающий телекран все равно «светит» в режиме наблюдения, но Уин в это не верил. Или делал вид, что не верит. Единственной дорогой вещью в этой комнатухе был комп.

Окошко на экране предлагало ввести логин и пароль. Уин набрал «Огненный рыцарь», восьмизначный код и нырнул в чат. Тут уже шла настоящая заруба. Утром, уходя на работу, Уин успел оставить несколько комментов под основным постом Короля. Помнится, это был пятый или шестой комментарий. Сейчас там ихросло больше сотни. Ага, сегодня тролли пожаловали. Две недели никого не было, и вдруг полно гостей. Почву прощупывают. Интересно, для чего?

«Толстый киллер» предлагал всех участников «Двойного поворота» арестовать и отправить на строительство новой

дамбы, а еще лучше – на стройку «Ангела». Эх, занести бы его в банный список! Но такое право Уина имеет только на работе, да и то надо утверждаться у Майкла. Так что с домашнего компа Уин может переругиваться с Толстым киллером до потери пульса. Самое удивительное, что Уин, профессионал, строчил ответы куда медленнее, чем это получалось у Киллера. Хотя чему тут удивляться – Толстый киллер – работник Пипетки, Уину хорошо известно, чей это ник. К тому же сейчас на помощь троллю являлись еще двое – Злой Том и Гоблин. Эти двое вываливали в комменты примитивный понос. Но во главе отряда всегда сражаться легче. С бойкой троицей переругивался Король, и еще иногда встревали в перебранку девочки – Эльза и Шутиха. Сколько лет на самом деле девочкам, Уин не ведал, но называл их так, потому что на аватарке у каждой размахивала мечом прекрасная воительница. Король писал комменты поразительно быстро, не ленись вставлять латинские фразы или козырять ссылкой на какой-то неизвестный никому научный труд. Уин, поднаторевший в сетевых баталиях, угадывал в этом человеке преподавателя, скорее всего профессора, еще не старого и одинокого человека, забредшего в Сеть исключительно для того, чтобы посмеяться на людской глупостью, да так и застрявшего здесь, вросшего намертво в ресурс, как меч Артура в зловередный камень.

Уин пробежал глазами комменты, чтобы определить, куда же завела бойцов дискуссия по поводу строительства но-

вой дамы. Спор «нужна – не нужна» давным-давно укатил в сторону политики. И как всегда, обсуждались времена Большого Брата. «Нельзя ставить на одну доску то, что было до Пробуждения и то, что творится сейчас по милости либероидов. Тогда процессы носили воистину народный характер. В зале, где судили предателей, присутствовали сотни людей. ТО были времена борьбы и крови, Голдстейн пытался захватить власть, схватка шла не на жизнь, а на смерть. Все, кто пытается сравнивать Океанию с Остазией, как это делают пропагандисты «Ливня» – просто изменники Родины».

«А кто в последний раз видел Голдстейна в Океании?» – набрал коммент Уин.

Пока набирал, Эльза успела вставить свои «пять центов»:
«Мой дед сгинул в Министерстве Любви. А вся его вина была в том, что он усомнился в правдивости сообщения, что Океания никогда не воевала с Евразией. Моему отцу тогда было четыре года. И вы называете это светлым периодом?»

Тут же возник Гоблин:

«Ко-ко-ко... Вот и последыши предателей объявились. Проверь дельце деда, дурочка. Наверняка героический дедок окажется примитивный вором. Не было никаких инакомыслящих, были обычные бандиты и ворюги, запомните это, лизоблюды Евразии!»

Уин не успел ответить, как Толстый киллер отбарабанил:
«Главное, что благодаря этой мудрой политике мы смогли избавиться от жулья на предприятиях и системе управления.

Мы не подпустили к власти Голдстейна. Все остальное – кухонные разговоры. Легко быть стратегом, когда сражаются другие».

«Диктатура – это называется мудрые действия?» – отозвалась, чуть помешкав, Эльза.

«Тот период для Океании был очень сложным, включающим в себя много процессов, – тут же откликнулся Толстый киллер на пост Эльзы. – Приход к власти Голдстейна – это реальная угроза, Большому Брату нужно было оградить свою власть от посягательств. Не надо забывать, что постоянно повышались нормы выдачи шоколада и сахара».

– Нормы шоколада и сахара, – фыркнул себе под нос Уин.

Он как раз знал немало об этих нормах, потому как в Пи-Пи начинал в архивном отделе (когда Министерство еще пыталось заниматься анализом информации) и собирал по крупицам сохранившиеся документы, в том числе неотоваренные карточки. Но для развернутого поста ему не хватит ни времени, ни дозволенного объема. Огрызнуться пару раз – это все, что он успеет. Нормы выдачи продуктов во времена Большого Брата постоянно снижали, шоколад заменяли соевыми плитками, сахар – сахарином, но телекраны яростно вещали, что нормы растут. Населению каким-то образом мгновенно отрубало память, мозг перезагружался, и все забывали, будто в обморочном состоянии, что накануне правительство щедро выделяло каждому 50 граммов шоколада, и свято верили, что прежде на талончик полагалось 20. На-

род верил. Это было гениально в своем роде.

«Что самое противное во всем этом?» – задал Уин сам себе вопрос, как это делал обычно. И сам же ответил: самое противное, что есть люди, которые восхищаются подобной гениальностью. Можно ли восхищаться красотой и ловкостью обмана? Может ли быть красив обман? Пока мы не договоримся об основах, мы не можем говорить вообще ни о чем.

В этот момент брякнул таймер – надо было возвращаться на работу. Уин непозволительно замешкался – теперь полдороги придется бежать трусцой.

Он ушел с сайта, нажал кнопку «выключение» и спешно спрятал комп в нишу, запер металлический сейфик с фальшивой стенкой под штукатурку. Ниша служила исключительно для защиты компа от очередного потопа из проржавевших труб, да еще от воров, что прогуливались по дому время от времени, выламывая хлипкие двери. От службы ДС никакой сейф не спасет – уж если те придут, то найдут все, что им угодно, и даже то, чего отродясь в этой квартирке не бывало.

«В последние годы правления Большого Брата никто в глаза не видел шоколада вообще, а теперь многие уверены, что его было всюду навалом, причем наивкуснейшего», – раздумывал Уин, спускаясь по лестнице.

Он вспомнил, что недалеко от министерства открылся новый магазин шоколада «Кадбьюри», но Уин туда ни разу так

и не зашел.

Полисменов нигде не было видно – возможно, они зашли на стройку допросить рабочих. Но, скорее всего, тупо вернулись в участок.

«Странно, я, кажется, больше возмущен происшедшим, чем сама Надя. Может, мы были женаты, а я позабыл, как эти сторонники Большого Брата про нормы шоколада?»

Эта мысль показалась ему такой дикой, что он сбился с шага и остановился. «Я же видел ее всего пару раз». – «Ты уверен?» – он любил задавать себе такие вопросы с подначкой – это повышало тонус и настраивало перед работой на нужный лад: когда всех ненавидишь и готов растерзать на куски.

– Я же не в чате, – напомнил он сам себе, на всякий случай пробормотав фразу вслух.

Мусоровоз уже уехал, но на раздолбанном асфальте остались его следы – промасленные пакеты, очистки, коробки. Вокруг этой кучки, как вокруг стола, уселась пятерка упитанных крыс. Их ланч проходил так безмятежно, что Уин оторопел. Потом беспомощно взмахнул рукой и издал что-то вроде шипения: «Пошел вон». Крыс он боялся до жути. Четверо из пирующих голохвостых тварей даже не повернулись, а пятая очень даже внимательно уставилась на Уина. Он попятился. Придется выйти на параллельную улицу и сделать круг.

От дома до здания Министерства правдивой информации

онной поддержки – сокращенно МПИП (в чатах шутовали – Пип-Пип или ПИ-ПИ, а порой называли Пипеткой за дозированной инфу, выдаваемую по капле) – быстрым шагом Уин доходил за двадцать минут. Если поднажать, то можно было успеть и за пятнадцать. Здание Министерства то и дело мелькало над крышами домов, умудряясь выглядывать даже из-за проросших в старых кварталах новеньких высоток. Триста метров в высоту, пирамида из белого бетона тремя уступами поднималась ввысь, к серым разлохмаченным тучам, быстро несущимся по небу. В разрывах проглядывала недобрая голубизна, будто холодный льдистый взгляд с прищуром следил за прохожими. Дождь был утром, и на тротуаре все еще стояли лужи – вместе со снегом асфальт стекал ключьями с дорог, как старая изношенная шкура, не продержавшись и года.

Когда Уин пришел работать в МПИП, на его фасаде отчетливо можно было разглядеть следы сбитых надписей:

ВОЙНА – ЭТО МИР

СВОБОДА – ЭТО РАБСТВО

НЕЗНАНИЕ – СИЛА

Это призрачные призывы из прошлого раздражали Уина, и он однажды спросил Майкла, не собирается ли начальство чем-нибудь заделать убитые лозунги. В ответ Майкл лишь пожал плечами. И вот полгода назад их восстановили – в память исторического прошлого, как значилось в резюме. Теперь они горели на солнце позолоченными буквами. И кто-

то неведомый оставил пару тощих гвоздик на выступе фундамента, неизвестно в чью честь или память.

Когда-то здания четырех министерств были самыми высокими в городе, но лет десять назад компания Севморнафта, владеющая всеми нефтяными платформами в Северном море, построила новый офис, который почти на сто метров превысил МПИП. Офис Севмора вскоре получил в народе название «Початок». Но куда чаще его именовали просто Башней с каким-то скрытым и зловещим намеком. Хотя на башню Саурана он явно не тянул. Толстенный роман Профессора напечатали сразу после Пробуждения миллионными тиражами, и каждый уважающий себя интеллектуал считал обязательным поставить себе на книжную полку том в желтой суперобложке.

Пятнадцать лет назад, еще подростком, Уин ходил вместе с отцом на митинг против строительства Початка. Он не помнил, что тогда говорили, было чудное время, семь лет, как случилось Пробуждение, и на всю жизнь Уин запомнил слова одного из ораторов: «Никогда, никогда мы не вернемся назад в стойло».

Уин невольно улыбнулся: как наивно!

Все возвращается – под новыми вывесками. Министерство Правды превратилось в Министерство Информации, а Министерство Мира – в Министерство Победы.

Несмотря на пронизывающий ветер, Уин шел так быстро, что весь взмок. Внезапно он остановился, будто натолк-

нулся на невидимую стену. А почему нужно торопиться, бежать, задыхаясь? Что случится, если он опоздает? Разве небо рухнет, если пробить чертов пропуск на пять минут позже? Не заберут же его в Министерство Любви, как это делалось до Пробуждения? Сейчас и Министерства Любви нет, есть Министерство Действенной Справедливости. Сокращенно Минсправ или – еще короче – ДС. Наверняка Минсправу дела нет до опозданий. В Пи-Пи разберутся сами с нарушителями. Лишат премии к отпуску, это максимум. Смех, право! Уин, что, так боится лишиться этой премии? Он даже не знал, смогут ли его оставить без премии за такую малость. Он поднял голову и уставился на сияющие сусальным золотом надписи на фасаде МПИП.

«Ненавижу», – прошептал он и даже скрипнул зубами: чувство, вспыхнувшее на миг, было в самом деле острым и обжигающим, почти невыносимым.

Но тут неведомая рука толкнула его в спину, и он победоносно побежал. Ноги будто против воли набирали темп, бежать в пальто, в сношенных туфлях было неудобно. К тому же то одна нога, то другая попадала в очередную рытвину на асфальте. Один раз он так подвернул ногу, что захромал. Но все равно влетел в проходную МПИПа за полминуты до окончания перерыва. Проскочил турникет, пробил пропуск, привалился к стене. Теперь можно было и отдышаться.

«Не вернемся в стойло, – ухмыльнулся он неизвестно кому. – Как же, не вернулись! Все пошли строем, все».

Или не все? Король вон не пошел. Правда, по большому счету Уин ничего не знает про Короля. Может, он все же иногда время от времени тоже заходит в стойло за пайкой сена?

3

Если бы Уин был начальником, он бы обретался в аквариуме стеклянного кабинета и выплывал оттуда только для того, чтобы окинуть грозным водянистым оком мелководе большого холла с офисными садками. В кабинете можно закрывать жалюзи, пить кофе и курить за столом. Но Уин начальником никогда не станет. Не вскарабкаться, не доползти. Поэтому сидеть ему в общем зале, в закутке, отделенном от соседних нор гипсокартонными кургузыми стенками в три четверти роста. Если встать, он может заглянуть в конуру к соседям справа и слева. И к нему в любой момент готов пожаловать любой – тайком подкрасться сзади и неожиданно высунуть мордочку из-за плеча. Из благоразумной предосторожности Уин никогда не выходил с рабочего компа на сайт «Двойного поворота». Только дома рано утром позволял себе полчаса до ухода на работу, да еще вечером, а вернее, ночью – сколько хватало сил. Иногда в обед. На «Двойном повороте» он был самим собой. У счастливицков имелись еще выходные. Но в субботу рано утром Уин отправлялся помогать отцу в деревню. Это его повинность

на неопределенный срок. Поскольку отец не был ветераном войн с Остазией и Евразией (каковых насчитывалось чрезвычайно много, в итоге их объединили и называли ветеранами зийских войн) и не отработал двадцать лет в одном из четырех Министерств (каковых выслуживцев, кажется, набралось еще больше, нежели ветеранов), то его старик получал только пособие вместо пенсии. Пособия не хватало даже на то, чтобы питаться хлебом и кашей. К тому же к отцу переехали младший брат с женой. Дядя получал пенсию служащего низшего ранга, а его жена – только пособие. Втроем они кое-как могли скинуться на уголь для печи и на газ в баллонах для плитки. Зато при доме имелся огород. На этом огороде и приходилось пахать все выходные – помочь старикам деньгами никак не получалось.

Уин повесил пальто на вешалку, пригладил руками волосы и включил комп. Взял пачку сигарет и пошел на лестницу – в курилку. Это своего рода ритуал Пи-Пи – пока комп грузится, одни пили чай, другие курили. Многие называли это свободой и искренне в разговорах благодарили начальство за нестрогий надзор.

– При Большом Брате никто не ходил курить, все работали, а кто опаздывал, тех распыляли! – пробурчала ему в спину тетка лет под шестьдесят, закуток которой ютился у самого входа. Уин не ведал, чем она занималась, вид у нее был, как у загнанной лошади, но на работу она приходила первой и уходила после всех. Наверняка прежде работала в

Министерстве Правды. На время исчезла, переждала бурю, потом вернулась. А может, и не исчезала, просто поменяла одну корочку на другую.

В курилке (небольшой закуток на черной лестнице) две девицы старательно делали последние затяжки.

– ...непременно съезди, погляди на Ангела смерти, это потрясает, – долетел до Уина обрывок фразы. В голосе говорившей звучало воодушевление. Серо-желтые прилизанные волосы, густо замазанная тональным кремом кожа, алая помада, очень короткое платьице, туфли-шпильки. Она маскировалась под юную особу, а лет красавице было наверняка за сорок.

– Но там же только фундамент. Или нет? – неуверенно отозвалась вторая. В ней было всего меньше – патриотического восторга, лет, косметики. Ее блестящие черные, очень прямые волосы выдавали восточную кровь.

– Фундамент тоже потрясающий. Когда Ангела построят до неба, Океания навеки станет непобедимой. – Воодушевления в голосе блондинки могло бы хватить на десятерых морпехов.

– Мы с кем-то воюем? – не удержался и пробормотал Уин, тут же пожалев о своей несдержанности.

Он спешно закурил в надежде, что его слов не расслышали. Но обе женщины к нему тут же повернулись.

– А ты, Уин? Ты видел Ангела? – обратилась к нему поклонница величия. – Я пожертвовала на его строительство

тысячу кредитов. А ты?

«Черт, откуда она меня знает!» – Теперь Уин уже жалел, что вообще отправился курить после обеда.

– А я вообще все-все, что у меня было, – отозвался он.

«То есть на самом деле ничего», – мысленно усмехнулся он.

– Но ведь Евразия тоже строит своего Ангела, – заметила не слишком уверенно брюнетка. – Что если и они...

– Мы их опередим и нанесем удар первыми, – заявила безапелляционно блондинка. – Океанию никто никогда не побеждал.

Самое смешное, что от Океании-сверхдержавы страна Океания отвалилась давным-давно. Да и Взлетная полоса номер один вернула себе прежнее название Британия и состояла в конгломерате чисто номинально. С Евразией произошло то же самое: почти четверть века как она распалась на три части, и процесс распада грозил вот-вот возобновиться. Что касается Остзии, то Китай и Япония вышли из союза первыми, и теперь там грызлась какая-то мелкота, непрерывно воюя друг с другом. После Пробуждения Британия время от времени конфликтовала с кем-нибудь из осколков бывшей Евразии. Куски Остзии дрейфовали тем временем вдалеке, изредка скаля зубы в сторону Североамериканских Штатов. Великие супердержавы, казавшиеся такими незыблемыми, развалились веером доминошных костяшек. А ведь тридцать лет тому назад все были уверены, что супердержа-

вы будут существовать вечно. Каменные колоссы! Миг, и они превратились в груды песка, из которого любители величия откапывают осколки статуй, и на каждой проступали буквы: «Озимандия». Стихи Шелли, во времена Большого Брата запрещенные, цитировали одно время часто, потом позабыли.

Уин затушил в пепельнице сигарету, вернулся к себе и уселся за комп. Набрал пароль. «Патриот 366» возвращался в Сеть.

Работа Уина состояла в путешествии по сайтам (список ему присылала дама из шестой секции) и в написании постов в поддержку решений министерства образования. Что бы ни решили в этом министерстве, Уин должен был писать радостный одобрямс. Когда-то работа ему нравилась, и он даже находил удовольствие в том, что умудрялся с легкой иронией представлять придумки министерства в розовом свете. Новый учебник по истории? Обалдеть какой учебник, вы узнаете совершенно новую историю – вам не придется покупать толстенный роман профессора Толкиена и читать про выдуманный мир Средиземья. Новый учебник гораздо круче. Да и кому теперь нужна подлинная история? Необходим набор вдохновляющих мифов, чтобы человек мог ощутить себя частью великой державы.

Сочинять все эти комменты было не так уж и трудно – сложнее было с самим министром, которого все называли министром образины. Или просто образиной. На прошлой неделе министр заявил, что Шекспир был замечательным ан-

тичным автором. Сеть в ответ взорвалась сотнями фотожаб. На одной из них несчастный Бард был изображен распростертым на полу в тоге, а из живота у него торчал кинжал. Над ним вопросительным знаком согнулся министр с портфелем. Шекспир в окровавленной тоге смотрел на министра с укором и вопрошал: «И ты, Брут?» Что ж тут написать, как отбрехаться? Что «Золотой век» Елизаветы Первой для нас, нынешних, что-то вроде античности? Или сказать, что фразу вырвали из контекста? «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан» – пьесы Шекспира, основанные на античных сюжетах, посему имеем право называть Шекспира античным. Сляпать-то оно, конечно, можно, но исключительно для дураков.

Придуманные посты Уин рассылал рабочим пчелам – те тупо жали кнопки, лепя скопированные тексты под своими никами. Роили. В придачу пчелы постили восхваления в адрес Любимого Брата, зачастую обслуживая сразу по несколько ульев, и недели не проходило, чтобы кто-то не напутал, и не послал рой не в том направлении. Подобные накладки вызывали приступы ядовитых комментов в адрес Пипетки. Рабочие пчелы стойчески сносили насмешки, а начальство грозило всем подряд штрафами. Подобные мини-скандалы заставляли Уина раз за разом задавать себе вопрос: как подобное комическое сборище умудряется при всем при том вполне сносно выполнять работу по оболваниванию населения.

Большинство «министерских» пчеловодов троллило любые события самым простым способом – гнала поносную волну на Евразию. Это срабатывало всякий раз почти без осечек, все забывали про образование, медицину, рост цен и начинали брызгать патриотической слюной. Однако парочка продвинутых «диванных вояк» всякий раз возвращала дискуссию в прежнее русло, и приходилось все начинать сначала.

Уин решил сейчас промолчать. Случай, можно сказать, трагический. Такому министру ни один тролль не поможет. «А Министерству?» – тут же торкнулась молоточком в висок крамольная мысль.

Какое счастье, что телекран не читает мысли. Или все же читает?

Уин зашел на сайт поглядеть, что там и как.

«Бедняга Уил. Вот что бывает, когда тебя переводят на новояз, а потом переводят обратно», – записал какой-то Бен, уже огребший с десятков двойных и тройных плюсов.

Уин хмыкнул. Подобные провалы можно замаскировать лишь другой новостью, способной забить старую.

Уин все же решил ввязаться.

«Министр сказал ясно: «Никто не сумел так показать античность, как наш Шекспир». Сложновато, конечно, но патриот и должен выражаться цветисто.

А ведь когда-то Уин планировал написать роман про Шекспира. И даже сочинил первую главу. Где она теперь, в

какой электронной папке «пылится»?

Он заскочил на паблик «друзья минобра» и вставил цитату. Потом скинул ее на официальный сайт минобра, потом раскидал еще, сам в десятках лиц перекидывал ее с ресурса на ресурс, как горячую картофелину. Создатель контента не обязан создавать рой – к его услугам Некрополь – личины умерших, чьи страницы после черного похоронного креста из социальной службы переходили в собственность Пипетки. Уин как истинный гурман отобрал годную команду: преподаватели, журналисты, парочка малоизвестных писателей. Во времена Большого Брата они преданно служили Партии, пускай теперь послужат скромному работнику Пи-Пи.

Сейчас главное, чтобы цитатка прижилась на пространстве Сети вне троллинга... Кто-то перепостил вроде, вот, еще... Всплывающие окошки сообщали, что труды Уина не пропадают втуне, со временем подлинная фраза министра утонет в потоке фальшивых цитат Пипетки.

Уин даже увлекся и поймал себя на мысли, что криво ухмыляется во весь рот.

«Вот так и становятся сволочью».

Звякнул телефон.

– Уин, заскочи ко мне! – звонил шеф. Зол – нет? Должно быть, зол, чувствует, что без души работает Уин. Чуйка у него здорово развита.

Наверняка заметил, что Уин не ввязался в сражение на стороне министра по поводу Шекспира. Эх, надо в «Двойном

повороте» что-нибудь по поводу минобразины ввернуть, а то там все слишком мрачно. Пускай народ повеселится.

Уин поднялся, поискал в кармане пиджака расческу, не нашел, глянул в маленькое зеркальце на перегородке. Волосы опять отросли, скрывая неровный шрам на лбу. Несколько седых нитей появилось в челке. Одна бровь саркастически приподнята – как всегда. Утром он побрился, рубашка неновая, но свежая. То есть стандартный вид трудяги за компом. Он пригладил волосы руками и направился к шефу.

Тот сидел в кресле, развалившись, будто в пляжном шезлонге, и пялился в экран. Наверняка проверяет, насколько качественно троллят положенные сайты подчиненные. Хотя вряд ли. Будет он маяться с такой мелочевкой! Странно, Уин даже не знал, чем занимается шеф. Ему представлялось, что шеф за перегородкой просто сидит, пьет кофе и иногда говорит с начальством. Недаром каждый год Майкл чуток раздавался вширь: по каждой расстегнутой пуговице рубашки на животе, как по спилу дерева, можно считать годовые кольца.

– Тут я подумал, – загадочно и доброжелательно улыбнулся Майкл. Подобная сладкая улыбка не сулила ничего хорошего. Все, что придумывал Майкл, оказывалось на поверку гадской подставой.

А ведь вроде бы человек хороший, вот только решения принимает подлые. Будто нож всаживает в бок, да еще с проворотом. И наслаждается.

«Хороший человек? – переспросил сам себя Уин. – И что

под этим понимать? Хороший плюс, или хороший два плюса, или вообще без плюсов, просто гуд». Он едва сдержался, чтобы не поморщиться.

– Я тут подумал и решил: кину-ку я тебя на борьбу с ересью, – без лишних вступлений объявил Майкл.

– Что? – опешил Уин. Борьба за репутацию образины с ехидными диванщиками внезапно показалась славной веселой работенкой.

– Ты не знаешь выражения «ересь»?

– Знаю. Наведение порчи. Ведьмы. Инквизиция. Костры.

– Придуриваешься? Я о современных грю.

– Голдстейнцы?

– Так-то лучше. Ну вот, теперь с ними будешь бодаться. На пару с толстяком Фредди. Затыкать пасти крикунам.

«Толстый киллер – этакое тупло. У него даже на оригинальный ник фантазии не хватает», – едва не ляпнул Уин.

– Вдвоем?

– Группа будет челов десять. На первый рывок. Фредди – главный. Там посмотрим. Будете хорошо рычать – увеличим свору.

– Надо разработать совместную стратегию?

Какая там к черту стратегия! Ползаешь по сайтам, как налим в тине, и оскорбляешь всех подряд или доказываешь, что черное – это белое. Пипишники называли это «запускать рой» – их посты атаковали сайты гудящим осиным роем.

– Стратегия на лидере. Можь предлагать. У тебя есть дум-

ки?

Уин отрицательно мотнул головой.

– Вот видишь: ты – не лидер. Так что сиди и жди указки. Кстати, накинут двадцать процев, эт не учебка и не друг Шекспира. А ты, лох, так и не накопал, чем прижучить шавок.

Шекспир как ключевое слово. Когда-то Уин обсуждал с Майклом Шекспировский вопрос¹. Майкл был стратфорландцем, Уин – «анти», но убедительную фигуру на роль автора предложить не мог, разрываясь между Крисом Марло и Роджером Маннерсом.

«Никто никогда ничего не докажет», – заявил как-то Майкл, ставя жирную точку в их многодневном споре.

«Почему?»

«Потому что рукописей нет и ни одного листка уже не найдут. Нет документов – нет истины».

А потом они почему-то забыли о Шекспире.

– Никто бы не нашелся, – Уин не стал хвастаться сегодняшней находкой. Все равно уже не оценят.

– А перевод стрелок? Если с мыслями туго, переводи стрелки. Это первое правило пи-пишника: главное – жидко обосрать, неважно, за что. Ты, брат, застрял на одном месте. Пора устроить встрях. Кстати, работать теперь будешь круглые сутки – получишь компик и айда грузить комменты ночью. За это свои мани. Сегодня от загрузки старого дерьма

¹ Шекспировский вопрос – вопрос об авторстве шекспировских пьес.

свободен, начиная грести новое, дуи аватарки, ники, пароли. Завтра встреча рабочей группы. Старший Фредди, я сказал, помню. За ним – направления и стратегия. Детали на каждом. Инициативу покажи. Две недели пробные – что в головешку взбредет, то и делай. Гляну, как у тебя попрут, может, получишь свою группешку. Хорош быть на подхвате. Все, свободен!

Уин шевельнул губами – хотелось спросить: «Майкл, а за чем все это? Чем мы занимаемся, а?»

Но не спросил, вернулся в свою клетушку и плюхнулся на стул.

Ну что за черт! Получается, он будет здесь воевать с «Двойным поворотом» и с самим собой, а вечерами – что же он будет делать вечерами? Отбрехивататься от собственных аватарок? Или на одном компе язвить под ником Огненного рыцаря, а с другого – ему возражать? На одно клавье предложение, на другой – два. Или одновременно левой и правой рукой научиться работать?

Он встал и направился назад к шефу.

– В чем дел? Что еще? – буркнул Майк, не поднимая головы.

– У меня дома вечно Сеть накрывается. Как же я из дома смогу комментить?

– Так чини Сеть, – пожал плечами Майк. – И ваще пора искать новую хату. Куда ты все бабло пускаешь, а? На телок? Неужто манишь за секс?

– В выходные я езжу к отцу. Там Сеть только в пабе, – соврал Уин.

– А ну ладно. Ты серьезн? А ничего интересней нет? В выходные, кстати, двойная оплата. Объясни старику... И да, на апгрейт на карту я уже вписал тебе три сотни кредитов. На Сеть хватит.

Три сотни – это месячная зарплата Уина.

Не слабо. Вопросы тут же иссякли, Уин вернулся к себе.

Надо было подключить художника из пятой секции сделать карикатуры по образине, но художник так тормозит, что успевает сляпать что-то дельное лишь к концу дня, когда его творения уже никому не нужны и Сеть полна фотожаб на любой вкус. А, к черту, теперь-то все равно. Пусть другой счастливчик, кто займет место Уина в этом скособоженном кресле, будет мучиться хроническим гастритом образины. А сегодня можно закрыть окно, потянуться до хруста в костях, собрать нехитрый скарб в коробку (чтобы назавтра перетащить все по-быстрому в новую конуру) и отправиться домой. Чем сегодня заняться? Сразу в Сеть? Нет, это подозрительно – если Огненный рыцарь появится в Сети так рано, кто-то может сопоставить.

«Боишься, трусишка? Что ж ты все оглядываешься через плечо? А пускай-ка найдут, пускай, а, – подначивал вполне отчетливый голос. – Стань самим собой наконец. Не можешь?»

Уин тряхнул головой, отгоняя назойливого собеседника.

Нет, сначала в паб – посидеть за бокалом эля, предвкушая все эти надбавки, прибавки. Триста кредитов. Сумма немаленькая, но только на первый взгляд. Когда-то на один кредит можно было купить холодильник или телекран. В первые годы после Пробуждения люди всё брали в кредит, потому и говорили – получил один кредит, два, три. Порой в самом деле особо поехавшие брали по двести-триста кредитов. Так и пошло.

Уин вытащил из ящиков стола накопившееся за три года работы на этом месте барахло – блокноты с набросками записей, какие-то цитаты на обрывках, цифры. Надо же, он когда-то старался, выкладывался, сопоставлял, искал инфу. Потом азарт прошел, в ящиках скапливались буклеты с рекламой шоколада, обертки от конфет и ломтиков копченого кальмара, корешки от выплат, чеки банкомата. Мусор, в итоге от всех нас останется только мусор. Корзина под столом наполнилась очень быстро. Уин сохранил блокноты с цитатами, ручки и карандаши, придавил всё листом картона, заклеил коробку скотчем, задвинул под стол, чтобы забрать завтра утром. Прикинул, стоит ли идти в столовку (там еще открыто). Решил, что нет, и покинул офис. Работа в новой группе его не беспокоила – он вообще смутно представлял, над чем станет горбатиться. Сейчас его мысль вертелась вокруг куда более важной проблемы: что делать во второй половине дня, что выбрать – паб или новенький ресторанчик в паре кварталов от дома. Ресторан манил его давно: большие окна с бе-

лыми шторами, столики под крахмальными скатертями. Он несколько раз заглядывал в окна заведения, планируя, как займет один из этих столиков с какой-нибудь милашкой. Не хватало только денег. И вот, будто откликаясь на его мысли, звякнул телефон: триста кредитов пришли на счет. А ведь говорят, у высших чинов Пи-Пи с телефона можно выйти в Сеть. И фото тоже можно делать с телефона, а не таскать с собой дурацкую «мыльницу». Пройдет пара лет, и эти блага станут доступными для всех.

«Есть, куда стремиться», – фыркнул издевательский голос.

Уин пробил свой пропуск на выходе, мысленно наслаждаясь выражением лица вахтера – едва приоткрытый рот, готовый вот-вот издать грозный окрик, взгляд на экран – легкое недоумение – и škодливая ухмылка, призванная прикрыть проглоченный крик, вполне очень даже ясно понятый Уином.

Свободный пропуск! У него теперь свободный пропуск! Он может опаздывать, задерживаться с обеда – или вообще линять вот так в середине рабочего дня. Это даже забавно – свою свободу можно оплачивать, продавая в рабство других. Черт, а ведь плевать на все эти тонкости и...

– Пошла вон, сука!

Уин обернулся и успел заметить, как тощий мужичонка пытается вырвать из рук темноволосой девушки кусок бумаги или картона. Плакат – не сразу сообразил Уин. Ныне на-

чадьство порой разрешает стоять у здания плакатчикам, но на них непременно натравливают таких вот рьяных патриотов. Уин уже собирался повернуться и уйти, отлично зная, чем заканчиваются подобные драки – когда плакатчика отметелят, обоих заберут в каталажку, только патриота быстро отпустят, а протестанту впаяют солидный штраф. Да, проскочить мимо было самым правильным. Но Уин не ушел – может, потому что заметил, как дерзко взметнулась волна темно-русых волос, как сверкнули глаза под белой вязаной шапочкой, низко натянутой на лоб, как оскалились белые зубы. Девчонка сопротивлялась и сопротивлялась отчаянно, билась за кусок разорванного и безнадежно изувеченного картона, будто в этом была вся жизнь. Уин помешкал секунду-две, а потом направился к этой парочке, ускоряя шаги, и с каждым шагом поднималось в груди давно забытое чувство – будто горькая хмельная пена подкатывала к горлу. Парень тем временем сумел повалить девушку на мостовую и замахнулся, чтобы пнуть тяжелым ботинком под ребра. Но Уин уже был рядом. Драчун из него был так себе, но ударить по опорной ноге сзади – дело совсем нехитрое, сам бил и сам же получал такие подлянки во время игры в футбол. Сейчас он ударил и посильнее и побольнее, нежели на поле, так что парень грохнулся на мостовую и, схватившись за ногу, истошно завыл. Будто не удар по ноге получил, а ему как никчемному пленнику, не годному в рабы, подрезали поджилки – обычное дело в период античности. Настоящей антично-

сти, не образиновской.

Пока нападавший продолжал голосить, явно рассчитывая на прибытие полисмена, Уин протянул руку, поднял девчонку рывком и помчался в ближайший проулок, увлекая плакатчицу за собой, как на буксире – попадать в каталажку вместе с этими двумя у него не было никакой охоты. Завтра... Да, завтра он что-нибудь придумает, если уличные телекраны его засекли. Но говорят, многие из них не работают, установлены, чтобы наводить страх на пугливых горожан.

Завернув за угол, беглецы остановились как по команде в узком проезде между двумя новыми недавно выстроенными высотками, чьи окна смотрели друг на друга так, чтобы каждый сосед мог видеть кухни и спальни напротив. Даже днем здесь было сыро и темно. Только тут Уин заметил, что девчонка еще сжимает в руке кусок плаката.

– Да бросьте вы это. Бросьте.

Она в самом деле бросила обрывок, но тут же наклонилась и подняла картонку с одним-единственным словом «Ложь».

И тут мысль совершенно ошарашивающая, сбивающая с ног, как порыв холодного ветра, обдала Уина и заставила замереть: эта девчонка из тех, на чьей стороне он бьется в Сети, прикрывшись мнимым панцирем Огненного рыцаря. И сейчас у него появился реальный шанс – реальнее точно не будет – найти вне Сети этих людей. Найти и стать среди них своим. Желание было почти нестерпимым – настолько, что Уин даже не сделал попытки прикинуть: а во что все это мо-

жет вылиться для него. Как будто впереди оказалась – нет, не стена, а поток яркого света, и что там, за этим нестерпимым блеском, разглядеть было невозможно. Да он и не пытался. Осталось только здесь и сейчас. Он, эта девушка и поток сияющего света, свет этот наполнял его и делал каждую клеточку тела иной, новой, полной незнакомой энергии и странно-го неведомого прежде восторга.

– И что было на погибшем плакате? – спросил Уин с улыбкой чуть покровительственной, как и положено спасителю.

– «Ложь – это ложь». – Она посмотрела на картонку, потом на Уина, тоже улыбнулась и выбросила обрывок плаката в урну. – Всю ночь рисовала.

– Какая свежая мысль!

Они рассмеялись – одновременно. Ему понравился ее смех – немного громкий и немного вульгарный, но зато без намека на жеманность. А в постели как она будет смеяться? Он окинул взглядом ее фигурку, отметил длинные стройные ноги и тонкую талию, подчеркнутую широким поясом куртки, и грудь – очень даже округлой формы, отчего талия казалась еще тоньше. Девчонка отряхивалась от обрывков бумаги, что прилипли к брючкам в обтяжку, но тут же заметила, что ее разглядывают, и скорчила гримаску, скривив слегка губы и прищурившись, без слов говоря: ну и этот туда же. Но гримаска была наигранная – ей нравилось, что Уин на нее смотрит.

– «Наше будущее – наше прошлое» – тоже неплохой ло-

зунг, – предложил Уин.

– Вы заметили, нынешняя эпоха и подлее, и гнуснее прежней! – воскликнула незнакомка. – Тогда хотя бы страх оправдывал бездействие. А сейчас что их заставляет славословить Любимого Брата? Ведь не страх? – и тут же ответила сама на свой же вопрос: – Не страх. Нет. Раньше люди пользовались двоемыслием, а теперь у нас одномыслие – одна мысль на всех, и мозг не способен воспринять альтернативу.

– Не хотите зайти перекусить и обогреться? – спросил он, уже ведя ее по улицам к намеченному для пирушки ресторану.

Она казалась ему желанной добычей, захваченной в бою, а та пена, что поднялась в душе и швырнула его камнем из пращи в драку, все никак не оседала, хотелось и дальше прихлебывать странное питье и ощущать на губах желанную горечь.

Девушка не стала жеманиться и охотно кивнула:

– Зайду. Но платить будете вы, я пока на мели.

«Как кстати оказалось вливание Майкла, – мелькнула мысль. – Я продал себя в рабство, и вот шикую». Но язвительная самоиздевка не смогла испортить настроение.

Здесь, сейчас – он победитель. Что будет завтра – плевать!

Внутри в ресторанчике оказалось не так шикарно, как полагал Уин, заглядывая в окна снаружи. Во-первых, не работал гардероб, пальто и куртку пришлось уместить на вешалке прямо в зале. Во-вторых, в помещении было прохладно,

даже зябко. Они заняли столик в уголке – тут было вроде бы потеплее, и кожаные диванчики обещали уютное застолье.

– Ничего не оставляйте в карманах, – посоветовала девчонка, выуживая из куртки телефон и запихивая его в кармашек клетчатой жилеточки. – Вытащат, вы и заметить не успеете.

Эта жилеточка с мысиками и двумя черными лаковыми пуговками поверх ослепительно белой блузки (один манжетик чуть загрязнился в драке) очень ей шла. Вообще в ней проглядывал какой-то аристократизм, что-то неуловимое в осанке, манере держаться, будто в машине времени она прибыла из другой эпохи, огляделась и смело шагнула в битву. Присмотревшись, Уин решил, что зря называет ее девчонкой: лет ей, наверное, двадцать пять или двадцать шесть, но во всем облике сохранился юный дерзкий задор, потому она и кажется моложе.

Уин тряхнул головой, смущенно хмыкнул и последовал совету: переложил из пальто и бумажник, и пропуск (как показалось ему – недостаточно ловко, – спутница что-то приметила, сощурилась, потом глянула более внимательно). Эмблема Пи-Пи многим хорошо знакома. В Сети ее постоянно постят.

– У меня, кстати, повышение сегодня на работе, – похвастался он.

Явился официант, положил на стол две книжечки меню и исчез.

– Незнакомец, я даже не знаю, как вас зовут, – воскликнула девушка. – Я вот Юлия. Или проще – Ю, если вы экономите буквы и звуки, как ныне в моде.

– Уин. Только прошу: до У сокращать не надо.

– Договорились, не буду. А полное имя Уинстон?

Он кивнул, хотя на самом деле его полное имя звучало иначе.

– Вы меня просветите, почему этот тип набросился на вас?

– Он что-то кричал про величие Большого Брата, – пожалала плечами девушка.

– Ему любовь досталась в наследство.

– Нет, ну почему они так его обожают? – вновь возмутилась она. – И это после того, как Министерство Любви в комнате сто один превращало людей в студень! Из людей выколачивали даже ненависть к палачам. Их пытали до тех пор, пока они не начинали любить своих мучителей. – Юлия говорила, и голос ее становился все громче и выше, и наконец оборвался, будто она попыталась взять какую-то недоступную ей ноту и не смогла.

– Не было никакой комнаты сто один, – сказал Уин.

– Чт-то? – она выдохнула вопрос беззвучно, буквально опешив на миг.

– В Министерстве Справедливости, которое находится теперь в здании Министерства Любви, вам скажут, что комната сто один придумали враги нашей страны, а Министерство

Любви на самом деле любило всех до самозабвения.

– И вы в это верите?

– Нет, конечно.

– Уф-ф! А то я решила, что вы один из поезавших. Откуда же вы взяли, что так говорят в ДС?

– Выяснил, когда был журналистом.

– И где же вы работали? В каком издании? «Лондонское эхо?»

Любители все сокращать сумели и это название ужать до многозначного «Лохо». «Лохо» было вроде бы либеральной газетой, и ему позволялось многое, хотя далеко не всё. В то время как другие издания, явившиеся в годы сразу же после Пробуждения, в итоге благополучно пошли ко дну под бременем финансовых тягот, «Лохо» продолжало держаться на плаву.

Уин заглянул как-то в «Лохо» в начале журналисткой карьеры. Это воспоминание он старался загнать в самый подвал памяти, но оно оттуда время от времени выползало, не желая умирать.

– «Весь мир и жратва», вот где я работал, – признался Уин.

– Помню, помню. Это такая желтушная газетенка из самых желтушных. Вампиры. НЛО, трупы. Бр-р... И что же вы там делали? Учились на вампира? – Она улыбнулась, как бы говоря; ну, подумаешь, вампир, зато симпатичный.

– Сочинял новости.

– Тогда причем здесь ДС?

– Министерство тут при том, что у меня было удостоверение прессы от этой самой «Жратвы», и я пользовался их ксивой, пытаюсь раскапывать кое-какую правду для себя. Полагал, что наступит один прекрасный день, и я создам собственную газету. Настоящую. Где буду публиковать только проверенную информацию, подтвержденную независимыми источниками.

– И как, создали?

– Нет. Денег не нашел. В долг брать побоялся, а своих не накопил. И правильно сделал, что не рискнул – прогорел бы мгновенно. Чтобы твое издание выложили на прилавок, надо давать взятки. И чтобы распространители с тобой расплачивались за отгруженный товар, тоже надо платить, иначе просто возьмут пачки на продажу, и ни цента не вернут. Так со всеми начинающими газетками и журналами поступают. – Давняя горечь от нереализованного, заветного, прорвалась в голосе.

– Что заказывать будете? – возник рядом официант.

Тут Уин вспомнил, что не заглянул до сих пор в меню. Он взял плотную книжечку и, предвкушая, раскрыл игрушечные ворота в мир чревоугодия.

– Юлия?

– Сначала вы. – Она вдруг нахмурилась и посмотрела на него внимательно. Чересчур внимательно, подозрительно даже, отчего лицо ее сделалось совсем иным, незнакомым,

строгим и по-новому красивым.

– Мне стейк, темное пиво, салат, – проговорил он, надеясь, что выбор блюд заставит ее вернуться к прежней легкой и непринужденной беседе.

Официант что-то черкнул в блокноте и повернулся к Юлии.

– Семгу можно? – Смотрела она при этом не на официанта, а на Уина.

У того было сильнейшее желание скосить глаза и глянуть в меню, выяснить, во что этот вопрос обойдется. Но он мужественно выдержал искушение, лучезарно улыбнулся и сказал:

– Гуляем, детка!

– Тогда белое вино, семгу и салат.

– Кофе и десерт закажем потом. Любишь мороженое? – подмигнул Уин Юлии.

– Люблю. Но пирожные – еще больше.

Вновь вернулось прежнее настроение – легкий флирт с полунамеками. Официант принес напитки и салаты. На удивление, кухня оказалась здесь на высоте.

– И кто сказал, что чревоугодие грех? – вздохнула Юлия.

– Возрожденная церковь, – отозвался Уин.

– Для них и секс грех.

– И наука.

– И непокорность.

– И нелюбовь к власти.

– А что не грех?

– Любовь к власти.

Принесли горячие блюда. Несколько минут они ели молча, наслаждаясь. Стейк оказался восхитительным – кажется, никогда прежде Уин не ел ничего подобного.

«Если каждый день так обедать, то продавать совесть можно без всяких угрызений», – мысленно съязвил Уин.

– Кофе и пирожные? – предложил, улыбаясь.

– Вы что, в лотерею выиграли? Или кого-то ограбили?

– Может, я удачливый бизнесмен?

Юлия отрицательно покачала головой:

– Нетушки.

– Почему? Э...

– Ботинки. Я почти точно могу сказать, что вы получаете в месяц кредитов двести.

– Уже триста.

Она открыла рот, явно намереваясь спросить, чем же он занят, но вместо этого плотно сжала губы. Побоялась? Или догадалась? Все же заметила эмблему на пропуске?

– А можно твой телефон? – спросил Уин. На миг показалось, что неловкая пауза снова уйдет, едва они возобновят разговор.

– Нет, – отрезала она без всякого намека на кокетство.

– Тогда я дам свой.

Он сунул руку в карман пиджака за визиткой, но вспомнил, что на визитке указано МПИП как место его работы, и

потому оторвал уголок салфетки и написал на нем номер.

– Позвони мне. – Он протянул ей обрывок.

– Ведь ты работаешь в ПИ-ПИ, – вдруг сказала она без тени сомнения в голосе.

– С чего ты решила? – У него загорелись щеки, как у школьника, пойманного на примитивном вранье.

– Вспомнила, как ты туда заходил после обеда. Я видела, когда стояла с плакатом. Точно, видела. Ты так торопился, что даже не посмотрел в мою сторону.

Он понял, что отрицать бессмысленно.

– Работаю, – признался он. – Но я их ненавижу. И я...

– Неважно, – оборвала она. – Я бы заплатила за эту до-рогущую семгу, если бы у меня были деньги. – Она внезапно схватила записку и сунула в карман. – Я позвоню, когда наберу достаточно, чтобы заплатить за семгу, верну по счету... – Она осеклась, видимо, и сама понимая, что гнев ее выглядит наигранно.

Встала и направилась к двери. Уин невольно повернулся и посмотрел ей в спину. Какой у нее четкий и в то же время грациозный шаг – она уже вышла из кафе, но он все еще видел ее через огромное окно. Еще шаг, другой, и она скрылась.

– Ваш счет. – Официант положил перед ним книжечку меню, из которой торчал корешок счета.

Он поглядел на сумму и отдал официанту карту. Все произошедшее походило на примитивную разводку. Девчонка

напросилась на обед, откушала и гордо удалилась.

Нет, нет, он не хотел думать о новой знакомой в таком ключе.

Но факты – упрямая вещь. Иногда очень трудно перетолковать их иначе.

4

Он вышел на улицу, огляделся в надежде, что девчонка где-то рядом, что не ушла. Ему даже показалось, что за углом мелькнула ее тень и пропала. Вдруг ждала, что он выйдет и... Он кинулся к перекресту, но когда добежал, там уже никого не было, кроме какой-то пожилой дамочки с коротконогой собаченцией.

Уин чувствовал себя дураком, который с самого начала догадывался, что его кинут, но решил позволить себя обмануть.

Вдруг вспомнилась прежняя его жена – по закону не жена вовсе, но предложение он делал, и даже жили они вместе где-то года полтора. Она постоянно и по мелочам все время указывала, что ему делать, названивала на работу, названивала после – куда пошел и зачем, любые его доводы отвергала, находясь в состоянии какой-то невыносимой постоянной сверхправоты. Теперь он не мог вспомнить даже, с чего начался их роман, и как эта женщина просочилась в его жизнь. В ответ на невинную шутку могли последовать какой-то чу-

довищный ор, хамская брань, а то и бросание посуды. Как будто внутри этой женщины сидел полный энергии монстрик и время от времени выскакивал в самые неожиданные моменты. После третьего такого взрыва он собрал вещи и ушел, благо проживали они в ее квартире, а у него тогда вообще не было своей конуры.

Вспоминая те полтора года, он дивился лишь одному: как выдержал столь долго?

Сейчас оставалось одно: тащиться домой, прихватив по пути пару бутылок пива, и радоваться одиночеству.

5

Звонок в дверь заставил его вскочить. Он заснул в своей комнатухе, сидя на диване. Спросонья почему-то подумал, что Юлия отыскала его и вот теперь стоит на площадке. И неважно, что он работает в МПИП, ей все равно, и... Сердце заколотилось так сильно, что он едва не задохнулся.

Распахнул дверь, даже не заглянув в мутный глазок.

На пороге стояла Надя. Он едва не захлопнул дверь в досаде, но соседка успела шагнуть вперед и встать на пороге.

– Уин, послушай, такое дело, некого, кроме тебя, попросить. Я у подружки теперь живу. Квартиру начнут ремонтировать на той неделе. Когда мастера притащат свои задницы, открой им. Вот.

Она протянула ему брелок с ключами.

– Так ведь я обычно на работе, – напомнил Уин.

– Брось, я же знаю, ты дрыхнешь до полудня. А они должны прийти рано утром, до того как ты свалишь. Девушка и парень. Уже договорились: как только с предыдущего адреса освободятся, так сразу ко мне. Я еще звякну, уточню, когда они приползут. Сейчас хороших мастеров на отделку найти проблема. Кошмар просто. Ну, ты понимаешь, встретить их как мужчина. Это вроде как солиднее. Лучше сделают, если мужчина им ключи выдаст. И вот... – Она протянула ему бутылку джина «Победа».

Тут уже не захлопнешь дверь, пришлось распахнуть ее во всю ширь и сделать приглашающий жест. Надираться джином в одиночестве было глупо.

Он достал из шкафчика стаканы, плеснул на дно в каждый. Выпили.

– Говорят, нынешний джин не сравнится с тем, что делали во времена Большого Брата. Вот тогда было качество, а этот – б-р-р, – выдала Надя стандартный комментарий.

Уин кивнул: так себе пойло. Резкий вкус, жидкость падает в желудок и обжигает, а потом продолжает тлеть как непогашенный костер в мокром лесу.

– Может, и так, – не стал спорить Уин.

Они повторили.

– Ну, я пойду, – Надя глянула выжидательно, явно рассчитывая на приглашение остаться.

– Хорошо, – отозвался Уин. И еще раз добавил: – Хоро-

шо. – Будто подталкивал этим словом назойливую гостью к двери.

Когда она ушла, он вызвал из спячки комп, пробежал глазами по комментам в «Двойном повороте», что появились вслед его последней записи. Диалог ушел куда-то вообще не туда. Люди обсуждали качество пива, и какая марка лучше. И то дело.

Он не собирался им в этом мешать. Пиво так пиво.

Или может написать, что джин лучше?

Лишь один какой-то упертый тип, строчил проклятия либероидам:

«Им надо рубить головы и выставлять на Лондонском мосту!» – повторял он раз за разом.

Что Лондонский мост уже нет, парень, видимо, не знал, нет больше Южных ворот, где выставляли головы казненных, предварительно пропарив их в чанах с тмином, чтобы не расклевали наглые чайки. Да и самого старого моста больше нет – его разобрали по камушку, пронумеровали и продали в Североамериканские штаты двадцать лет назад, когда выяснилось, что мост катастрофически проседает. Теперь он красуется где-то в Аризоне, а на его месте – безликая бетонная полоса.

«Лондонский мост падает,

Падает, падает.

Лондонский мост падает,

Моя милая леди», – Уин напел под нос детскую песенку.

И вдруг рассмеялся, вспомнив, что в школе учителя почему-то рассказывали, что в Америку продали не Лондонский, а Тауэрский мост. И все были уверены, что это так, не удосужившись сходить на Темзу и поглядеть, стоят ли как прежде знаменитые башни на реке. Кажется, только Уин и пошел проверять. Правда, на галереи ему пройти не удалось. Да и теперь на них не взойти. Мэр уже пять лет как обещает устроить там смотровую площадку, но деньги, выделенные из бюджета, фантастическим образом попадают. А двери в башни время от времени ломают, и на лестницах, что ведут на галерею, поселяются бомжи. Уин когда-то написал об этом статью, но ее так и не напечатали.

Глава 2

1

На выходные Уин уехал к отцу – как всегда.

Поезд уходил с Паддингтонского вокзала. Недавно перестроенный, сверкающий металлом и стеклом, вокзал мало походил на тот, что принимал и отправлял поезда в середине прошлого века. Уину всегда было жаль исчезающего под напором дельцов старого города – серого, унылого, уставшего, но живого. Почему живого? Он не мог объяснить себе, отчего новый Лондон казался ему бездушнее даже brutального англсоц-ампира времен Большого Брата.

Думая о будущем, Уин вздохнул с облегчением: каждонедельные поездки вдруг становились необязательными, еще один странный вид свободы-рабства. Он мог теперь вырываться к отцу время от времени, а вместо помощи мускульной силой предложит несколько кредитов для оплаты угля, электричества или продуктов. Ему представилось, что свобода и рабство, это что-то вроде вечного равновесия инь и янь, и что за свободу в принципе ничем иным, кроме рабства, и заплатить нельзя.

Он достал из кармана плеер, вставил зернышки наушни-

ков и закрыл глаза. Смотреть сквозь мутные стекла на уродливые особняки, что вырастали пестрыми грибами вокруг города, не было никакого желания.

2

Поезд всякий раз возвращал его в детство. Странная пора. Он помнил какие-то дни – очень смутно, – которые относились к последним годам эпохи Большого Брата. Тогда уже появились большие крытые рынки, там продавали без талонов молоко, творог, мясо. Загорелые круглолицые фермеры казались пришельцами из другого мира. Почему-то осталось в памяти, как он ходил с мамой на Гринвичский рынок, и она приценивалась, не купить ли кусочек мяса. Помнится, мама выбрала какой-то совершенно крошечный обрубок, с жилками и салом. Торговка – краснощекая, круглолицая, с маленьким голубыми веселыми глазками, назвала цену. Цифру Уин не запомнил, но в память навсегда врезалось, как мама отшатнулась и даже отступила на шаг.

– У меня только два доллара. – Тогда в ходу были еще доллары, а не кредиты.

Торговка переглянулась с сидевшей подле товаркой, и они дружно рассмеялись:

– С такими деньгами, милая, сюда никто не ходит.

Они с мамой ушли с рынка, так ничего и не купив, изгнанниками проскользнули под нарядным только что отремонти-

рованным входом с белыми колоннами. Уин затащил мать на набережную полюбоваться на «Катти Сарк». Правда, любоваться там было особо нечем, после пожара ее прикрыли черной пленкой, будто на клипер надели огромный мешок для трупов, и никто не думал ее восстанавливать, в отличие от рынка.

На два доллара, отстояв час в очереди, отоварили хлеб и сахарин по талонам.

Еще в тот день отец притащил из центра помощи большую картонную коробку с макаронами и банкой оливкового масла. Посылка была из Северной Америки. Поговаривали, что Взлетная Полоса номер один вот-вот отделится от Океании, и эти посылки рассматривали как добрый знак – вдруг не случится? Вдруг все останется, как есть?

– У них всегда было не так уж и плохо, в Новом свете. Это мы тут вечно жили по карточкам, – пояснил отец. – Ведь все тяготы войны из года в год ложились на нас.

На уроке учительница рассказывала про смелого парнишку, который спасал внезапно вспыхнувший старый трактор. Парень так обгорел, что через три дня после свершения подвига помер. Кстати, и трактор он отстоять не сумел – от развалюхи в итоге остался только черный остов. Учительница поведала об этом с патетической слезой в голосе: вот он, настоящий герой, с таких надо брать пример нынешнему позабывшему преданность родине поколению.

– Зачем умирать за старый трактор? – спросил Уин дерз-

ко. — Если бы он спасал кого-то живого — котенка, щенка или человека, тогда да, понятно. Жизнь не вернуть. Но умирать за железо? Зачем?

— Трактор — это достояние государства! — ответила учительница.

— Но человек-то живой, а трактор — мертвый, — настаивал Уин.

— У него была возвышенная душа, — ответила учительница. — А у тебя нет.

— У трактора душа? — фыркнул Уин. — Гений трактора, как у римлян?

Все в классе заржали, никто больше не верил в необходимость сгорать за государственный трактор. Даже те, кто все еще верил в Большого Брата.

Потом каждому школьнику стали выдавать раз в месяц сухое молоко в красно-желтых больших банках (тоже помощь из-за Океана), и Уин долгие годы считал, что молоко бывает только такое — в виде белого порошка, и его надо разводить водой.

А потом отец исчез. Просто не пришел с работы — и все. Мать ждала его, несколько раз выходила на улицу — Уин до самого утра слышал, как хлопала дверь.

На другую ночь к ним явился высокий полноватый мужчина в светлом плаще. За его спиной тенями маячили двое. Человек в плаще сунул матери под нос сложенную в несколько раз бумажку, после чего двое выступили из-за спины глав-

ного, рванулись в квартиру и стали рыться повсюду: вываливали из ящиков на пол белье, сбросили со стола тетрадки и учебники Уина, даже рис из банки высыпали на стол и на пол в кухне. Они забрали пару книг, коробку, где хранились деньги, и зачем-то тетради Уина.

Об отце не было ни слуху, ни духу. Обратиться в справочное Министерства Любви мать побоялась. Зато по ночам молилась.

А потом случилось Пробуждение. На улицах стреляли. Мама крутила настройку крошечного самодельного приемничка, купленного на черном рынке. Женский голос, то уплывавший в пространство тресков и шорохов, то внезапно возвращаясь, сообщал, что на площади Победы стоят войска. Уин так и заснул под шорох, треск и напряженный голос дикторши.

На другой день вечером к ним постучали. Мать с коротким криком рванулась к двери. Распахнула. На пороге стоял страшно худой человек, на впалых щеках серела щетина, половина лица почернела и опухла. Уин не сразу понял, что это отец. Только когда мама обняла его, наконец узнал.

А еще два дня спустя в школе перед уроками собрали учеников во дворе, все классы, и младшие, и старшие. Трагическим голосом директор объявила, что Большой Брат убивал и пытал людей, и потому в школе надо снять все его портреты, и портреты лидеров Внутренней партии, причем немедленно.

Больше всего портретов висело на третьем этаже в коридоре. Здоровяк-старшеклассник посадил Уина себе на плечи, и Уин канцелярским ножом срезал веревки, на которых висели портреты, а другой старшеклассник ставил их у стены. Потом старшие ушли, и Уин вместе с ними. Он уже спустился во двор, когда вспомнил, что забыл наверху курточку, и кинулся назад. Еще на лестнице он услышал звон бьющихся стекол, оробел и хотел уйти. Но возвращаться без куртки домой? Нет, никак нельзя. Он вошел в коридор. Директор лупила отломанной ножкой стула по стеклу на портрете, превращая его в крошево, а потом – уже по обрывкам бумаги. И с каждым ударом шипела:

– Сдохни!

С началом Пробуждения дед завел кур в своем коттедже, отец ездил к нему каждую неделю, как теперь ездит Уин к отцу – забирал яйца, овощи, яблоки. Яблоки дед хранил в подвале до нового года, и до весны – сушеные яблоки и сушеную малину. Эти яблоки, картошка, яйца, курятина спасали их от голода, без такой подмоги им бы в Лондоне пришлось туго. Но все равно в те годы настроение было замечательное. Настроение мечты, надежды, предвкушения. Отец чуть ли не каждый день бегал по каким-то собраниям и митингам. Иногда на митинги брал с собой Уина. Народу всегда собиралось очень много – десятки, а порой и сотни тысяч. Кто-то выступал, кричал в микрофон до хрипоты. Уин не помнил, о чем говорили те люди, но толпа всякий раз от-

кликалась одобрительным ревом. Вечерами они втроем обсуждали, как скоро заживут в большом красивом доме и будут ездить на новенькой машине с таинственным названием «Ленд Ровер». Отец рассказывал о новых предприятиях и фондах, о том, что то один его друг, то другой открыл «малое предприятие». «Малое предприятие» мнилось чем-то волшебным, чудесным деревом, на котором вскоре вырастут золотые яблоки. Еще было много-много только что изданных журналов – на серой рыхлой бумаге, со слепым мелким шрифтом, отец приносил их домой десятками чуть ли не каждую неделю. Издавались книги. Вышла «Черная стрела» Стивенсона, почему-то прежде запрещенная, и на много лет стала для Уина любимой книгой.

Отец стал основателем какого-то фонда, день и ночь печатал документы на старой пишущей машинке. Потом пришли солидные дяди, круглолицые, упитанные, в новеньких костюмах, невиданная ткань отливала серебром. Отец как-то сразу перед ними согнулся, заюлил, заговорил не своим голосом, будто плохой актер пытался сыграть не дающуюся ему роль. Солидные дяди забрали бумаги, пожали отцу руку и сказали: «Тебе положено десять процентов акций фонда. Считай, ты – миллионер». После чего гости ушли в неизвестном направлении навсегда. Потом отец снова печатал бумаги. Картина повторилась: работа днем и ночью, появление и исчезновение незнакомых людей. Отец вздыхал: ну уж в этот раз все получится, мы продумали детали, ребята умные

и обещали такое... Но дерева с золотыми яблоками так и не появилось. Отец вспыхивал внезапным гневом, ругался, орал на мать, обзывая ее непотребными словами, пинал Уина, причем сильно, до синяков. После чего скисал, сидел, сторбившись, будто из его позвоночника вынули какой-то самый важный основной позвонок. Он стыдился этих вспышек, но никогда не извинялся за нанесенные обиды.

То и дело в их маленькой квартирке собирались незнакомые люди – в основном, мужчины лет тридцати-сорока и молодые ярко накрашенные женщины. Все курили, пили (пили много), спорили, обсуждали что-то до утра, до крика и хрипа, потом расходились.

«Мы должны возродить Парламент. Палата общин. Верхняя палата. Великая хартия Вольностей», – произносили гости похожие на заклинания слова. У всех блестели глаза – то ли от магии слов, то ли потому, что в стаканы все время подливали из пузатой бутылки с этикеткой «Джин Победа».

На одном из митингов Уин собирал в железную банку деньги. Железные доллары, бумажные кредиты, они ходили тогда наравне. Третью собранного отец и его друзья поделили поровну, а две трети забрал какой-то очередной солидный в драповом пальто, кратко пояснив: «на дело», чтобы точно также исчезнуть, как и все предыдущие солидные дяди до него. Но кое-что их семье тогда перепало.

Целый месяц, помнится, они ели мясо на обед. Мать купила себе туфли, а Уину – кроссовки производства «Оста-

зия». Кроссовки развалились через два дня, а мамины туфли продержались две недели.

Шло время, спорщиков приходило все меньше. Один раз кто-то из прежних заглянул на чай, уже в новом обличье, – раздобревший, равномерно раздавшийся вширь, в костюме, при галстуке и в белой сорочке, он говорил – «мы, джентльмены», и отец подобострастно смеялся при этом. Чай лишь пригубил, сморщился, внимательно посмотрел на чашку, будто увидел там таракана, отставил, бросил пару смятых купюр на стол и вышел. С тех пор Уин его больше не видел. Да и отец, наверное, тоже.

Потом заболела мать, и стало как-то совсем уже страшно. Запах лекарств, вечно замоченное белье с кровати в бачке, ржаво-желтые простыни на веревках на кухне. Постепенно исчезали из квартиры вещи – несколько старинных чашек, серебряная сахарница, акварель в старинной рамке, квартира пустела, обнажалась, дурнела, чернела вместе с умирающей матерью. Нужных лекарств не находилось, а те, что удавалось достать, облегчали боль, но не могли спасти. Уину казалось, что они с отцом проваливаются в вязкое болото. Другие остались на берегу, ухватились за покосившиеся заборы, столбы и удержались. А Уин с отцом – не сумели. Странно было видеть в те дни людей в элегантной дорогой одежде, сидящих в новеньких авто. Уин с каким-то даже злорадством смотрел на одного такого, только с кровавой культей вместо головы, все еще восседавшего в «Бентли», хотя от кры-

ши роскошной машины не осталось почти ничего. Подоспевший полисмен в черном нелепом котелке прилаживал обрывок газеты, пытаясь скрыть от любопытных глаз изувеченный труп. А Уин, слышавший издалека взрыв (шел с пачкой лекарств из аптеки) смотрел на убитого и поражался лишь одному – что его даже не мутит при виде этого человеческого обрубка.

После смерти матери, на другой день, когда тело уже увезли в морг, Уин купил на последние деньги билетов в кино, сидел на сеансах, смотрел какие-то боевики дурного качества на мутной темной пленке с хрипящим звуком, по три, по четыре раза одно и то же, и думал о мире, где не может быть такой боли, не может быть в принципе, где никто никогда не расстанется навсегда.

Ночью ему снился сон, будто они с мамой идут, взявшись за руки, только не она ведет его, а он – ее. Куда – он понять не мог, но они оба боялись опоздать. И ему не хотелось вести ее туда, куда он ее вел. Ужасно не хотелось – до смерти...

Они с отцом решили устроить церемонию прощания в церкви – тогда вновь стало можно и даже модно в церкви и крестить, и венчаться, и в последний путь провожать. С закрытым гробом под мелким дождем они прождали у входа целый час – в назначенное время очередной упитанный дядя влез перед ними без очереди. Даже провожая коллег на тот свет, новые хозяева жизни отпихивали прочих локтями, будто деньги отца, собранные по друзьям и в долг, были чем-

то хуже денег толстомордого сынка упитанного папаши, которого пристрелили на улице в очередной разборке. Так они стояли под дождем рядом с гробом, не предаваясь печали, не вспоминая прошлое, и уж тем более не плача, а думая лишь о том, чтобы их наконец впустили в церковь. И их впустили – буквально на минутку.

В детство Уину не хотелось возвращаться категорически – он мечтал вырасти из тех лет, как из старой шкуры. Время, когда у многих появились шансы и подняться, и погибнуть, для него хранило лишь чужие шансы. Ему вырваться не довелось. Запнулся, зацепился за острые углы павшего в руины мира, получив в наследство страх жизни как неистребимый вирус. Оглядывая друзей, Уин подмечал, что им в спину точно так же дышит призрак мертвого прошлого – холодной тенью Большого Брата, людоедскими лозунгами, зовущими стереть врагов в лагерную пыль, слабостью порыва, упадком упорства. Большой Брат лишил людей свободы, а их детей – жажды жизни.

Отец всегда ненавидел Большого Брата, но в семье он присвоил себе роль маленького диктатора. Если Уин, заигравшись, не успевал вовремя прибежать со двора к обеду, то оставался голодным. Отец с усмешкой сообщал: «столовая закрылась». Еще в детстве Уин подозревал, что отцу доставляет наслаждение проявлять свою крошечную власть. Если отца не было дома (такое случалось), то мать могла тайком покормить Уина, но чаще она ссылалась на приказ отца и ци-

тировала его слова: «Детей и животных надо дрессировать». Вторая цитата, которую отец произносил десятки раз с наслаждением: «Детей надо завести, чтобы убедиться, что этого не стоило делать», заранее сообщала Уину, что он разочаровал родителей, едва появившись на свет. Уже повзрослев, Уин попытался обдумать эти слова и только тогда понял, что за афористичностью фраз кроется примитивная слабость. Лет до десяти его постоянно пороли за любую провинность, за потерянную книжку, за зачириканную страницу в учебнике или испачканные брюки. Отец обожал слова «строгость» и «порядок», не замечая, что они заимствованы из лексикона Большого Брата.

Юношество Уина – время Пробуждения, тогда по телекрану стали показывать какие-то старые фильмы, сделанные еще до эры Ангсоца и чудом уцелевшие в архивах. Особенно часто показывали фильмы с Лоуренсом Оливье и Вивьен Ли. Показ всегда начинался в девять вечера. Это время, когда ребенку положено идти спать. Напрасно Уин умолял хоть раз в неделю позволить ему посмотреть какой-нибудь фильм – отец оставался неумолим. Стрелки сходились на девяти, родители садились смотреть кино, а Уин отправлялся в кровать. Лежа в постели, он слышал голоса актеров за перегородкой и пытался угадать, что же происходит на экране. Диалоги из «Леди Гамильтон» и «Моста Ватерлоо» он заучил наизусть.

Как ни странно, несмотря на все эти меры воспитания, в детстве Уин безумно любил отца. И только оглянувшись на-

зад много лет спустя, внезапно осознал, что все это отец проделывал бессознательно, чтобы как-то компенсировать свою униженность во внешнем мире, демонстрируя неколебимую власть над теми, кто зависел от него в домашних стенах.

Может ли понимание заменить любовь? – не раз спрашивал себя Уин.

И всякий раз сам себе отвечал: «Это вряд ли».

3

Коттедж в деревеньке – дедово наследство, старенький каменный домик без всяких удобств, хирел и старел понемногу. На первом этаже холл с камином, наверху три крошечных спальни, в пристройках – мастерские, амбар, под навесом какая-то механическая развалюха, чье первоначальное назначение Уин напрасно пытался определить в течение всего своего детства. Здесь он проводил летние месяцы, а потом четыре года жил круглый год, когда вскоре после смерти матери они потеряли квартиру в городе. Коттедж этот он любил и ненавидел – любил за уединенность, обособленность, собственную физиономию, весьма дерзкую. Ненавидел примерно за то же самое. Здесь у него не нашлось друзей, зато были изматывающая работа, холодные зимы, оторванность от мира, будто за тридевять земель от Лондона с его загадочной и бурной жизнью, и только поезд связывал стальным узлом этот затерянный уголок с остальным миром.

Уин сбежал отсюда в ранней юности, но пуповину перегрызть не сумел, тянул его назад домик с огромной елью у входа, крошечная спальня наверху звала дорожками солнечного света и уютным старым креслом у окна. Рама на окне потрескалась и чудно скрипела, когда он поднимал ее летним вечером. Знакомая полка с книгами, знакомый стол. Ничто здесь не заменялось новыми вещами, обои выцветали, но сквозь седину пепельной бумаги проглядывал прежний кремовый узор, столько раз виденный по утрам, когда солнце, проскользнув меж шторами, рисовало на стене горящие янтарные полосы.

Наступила последняя весна в школе, учеба заканчивалась, Уин грезил о Лондоне, о новой жизни, которая наступит внезапно и...

Тем весенним вечером отец явился в коттедж белый как мел, его трясло, руки дрожали. Он схватил бутылку с джином, налил полстакана и выпил залпом. Весна была холодной, Уин как раз выгребал золу из камина, чтобы его затопить.

– Что случилось? Пап, что?

Отец глянул на него совершенно ошалевшими круглыми глазами.

– Я его встретил.

– Кого?

– Человека из Министерства, который меня допрашивал. Который пытал. Который... – Отец дотронулся до скулы,

будто снова ощутил удар.

– И что? Что ты сделал? – Уин и сам растерялся. В его представлении люди из Министерства Любви существовали в иной реальности и навсегда остались в старом мире, как в карцере. То, что они просто вышли из своих подвалов и кабинетов, повесили на вешалки забрызганные кровью фартуки и смешались с толпой, представить было невозможно. Это как напустить опарышей в питьевую воду и заставить людей ее пить.

– Что сделал? – переспросил отец. – Да ни черта не сделал. Только выяснил, что это точно он самый – Джон Ривер. Сидит на бережку в таверне с друзьями, пирует. Ему хорошо. Хорошо! – Отец в ярости грохнул кулаком по столу так, что чашки подпрыгнули. – Красномордый, сытый, успешный. Рот до ушей. Хохочет! Я зачем-то позвонил в полицию. А мне сказали, – отец судорожно вздохнул, – сказали, что у них нет причин задерживать палача.

Через полчаса Уин отыскал Ривера и его друзей в таверне на берегу. Открытая терраса, круглые столики в окружении плетеных стульев, таверна пользовалась в те годы большим успехом, особенно у «новых людей», как тогда на римский манер называли бизнесменов. С террасы открывался вид на синее зеркало реки, на красно-коричневые кирпичные новенькие домики на другом берегу, на черное кружево не успевших отогреться после долгой зимы ив. Волнующе пахло весенним пробуждением, талой влагой. Пробуждение

– это слово царапало острым коготком под ребрами. Играла музыка, и даже в дождь на террасе было на редкость уютно. Картину отец передал точно: веселая компания за столом, трое мужчин, уже немолодых, две нарядно одетые женщины около тридцати, все под хмельком. Ничего отвратительного в этих людях не было. Напротив, женщины просто красавицы, в ярких платьях, одна – в желтом, другая в красном с синим, мать Уина никогда не выглядела такой ухоженной. Мужчины в костюмах, в белых рубашках, галстуки и пиджаки, правда, уже сняли. Обычная компания подвыпивших людей среднего возраста. Уин как-то сразу определил, кто из этих троих Джон Ривер. Вот этот румяный седовласый улыбчивый человек с очень холодными глазами, спрятанными за стеклами очков.

Уин подумал, что наверняка этого Джона Ривера люди куда больше любят и уважают, нежели отца. От этой мысли его затрясло – не от страха, а от ненависти и гнева.

– Джон Ривер? – он ощутил горьковатый вкус во рту, будто желчью приправлено было имя.

– Чего тебе, мальчик? Бутылки собираешь? – Ривер поднял на него глаза. – Извини, но тару забирает хозяин. Это его собственность. Закон надо соблюдать.

– Я – Уин Спенсер, а моего отца зовут Ричард Спенсер.

– И что? Я мальчиками не интересуюсь. Вот бабеч в полном соку – другое дело, – хохотнул Джон Ривер и ущипнул свою спутницу в желтом. В ответ так игриво взвизгнула.

– Это вы допрашивали отца в Министерстве Любви.

– Э-эх парень. Ну, какой ты наивный. Ты и представить не можешь, сколько всякой швали я выпотрошил в Министерстве. Думаешь, я помню по именам каждую амебу?

– Это пепел тех, кого распылили! – закричал Уин и высыпал в лицо Риверу, на стол, на бокалы и бутылки золу из коробки.

Женщины завизжали, принялись стряхивать с себя седой прах, опрокинулись бокалы. Уин схватил одну из бутылок и, размахнувшись изо всей силы, опустил на голову Ривера. Нет, на голову не получилось – удар пришелся по ключице, бутылка разбилась, и осколок вспорол кожу. В руке Уина осталась розочка, он попытался достать Ривера, но не успел – один из мужчин ухватил его за шиворот, как котенка, и швырнул на землю. А потом, подскочив, принялся метелить ногами. Уин все же умудрился как-то извернуться ужом, подобрать осколок и всадить в ногу нападавшему.

Как выбрался он из той таверны на берегу, Уин точно не помнил. Кажется, из свалки его вытащил хозяин заведения. Уже ночью отец отыскал его в больнице – Уину раскроили лоб так, что пришлось накладывать швы, были сломаны ребра и правая рука в двух местах.

– Ты с ума сошел? Зачем ты это сделал? – кричал отец. – Идиот! Они же могут выдвинуть обвинения. Да, да, они точно подадут в суд. Тебя посадят за нападение! И меня привлекут!

– Ты бы видел их лица! – скривил губы Уин. – Когда я сказал, что это прах распыленных. Они визжали от ужаса, как свиньи.

– Прах распыленных? Где ты его взял? – изумился отец.

– Просто зола. Зола из нашего камина. Я ее просеял, чтобы не осталось кусочков угля и походило на перепел из крематория, на тот, что остался от мамы.

– Ты не представляешь, что натворил! Ты всех подверг риску! Идиот!

– Пап, ты что, струсил? – Уин хмыкнул. – Неужели ты боишься этих гнусов?

– Если бы ты побывал там, у них, Уин, ты бы так не храбрился. Хотя, дело тут не только во мне.

– Ты за меня боишься?

– За тебя – да. Но не только, – отец явно что-то не договаривал, но ни тогда, ни потом Уин так и не смог вытянуть из него правду до конца.

Какое странное выражение – вытянуть правду до конца. Как будто правда – это сгнивший коренной зуб, который надо непременно вырвать.

С той поры залегло меж ними тектонической трещиной отчуждение. Отец отмалчивался и ничего не желал объяснять, Уин в свою очередь злился на отца за его желание спрятаться, не высовываться именно теперь, когда все переменялось. Ему хотелось непременно доказать, что вот он сумел сохранить мужество там, где отец струсил, но не представ-

лял, как это сделать. У отца была универсальная отговорка: «Ты там не был».

И в этом он был прав.

Кстати, Ривер с заявлением в полицию не пошел. Почему? – иногда задавал сам себя вопрос Уин. Неужели палач испугался дерзкого подростка? Или кого-то другого? Чего боятся такие как Ривер? Быть может, огласки? Боятся, что их имена будут названы, а лица попадут в газеты? Они привыкли существовать в тени, свет их убивает.

Уин чуть ли не каждый день видел высеченные на камнях фундаментов старых домов имена распыленных. Надписи появлялись там и здесь, и с каждым месяцем их становилось все больше. Домам, откуда их забирали в Министерство Любви, до сноса теперь нести печальные клейма. Но не было ни одной надписи, ни одной таблички с фамилиями палачей. И казалось порой, что жертвы убивали себя сами, и только казненные спустя много лет оказались виновны в пролитии крови.

4

Уин, как всегда, приехал первым поездом. Он обожал эти послерассветные часы летом – когда косые лучи солнца сквозят сквозь ветви, и на песчаных дорожках дрожат тени. Капли росы на листьях, на траве. Запах весеннего утра, ни с чем не сравнимый.

«Если доведется умирать, то лучше здесь», – подумал Уин.

Странно, но мысли о смерти почему-то все чаще посещали его в последнее время. Не страх, но какая-то жажда упокоения, безмятежности. Усталость он ощущал постоянно. Она накапливалась в костях, соперничая со стронцием давно отгремевших атомных взрывов, она обволакивала тело и душу липкой паутиной беспросветности. Достижение цели, победа, радость творчества – вот лекарства, которые способны справиться с паршивым недугом. Но эти сокровища заперты в неведомой пещере, путь извилист, а вход завален так, что даже не виден. Оставалось доступное: кофе и алкоголь.

Он подоспел к завтраку – неизменные овсянка, яичница, чай. Всегда одно и то же, изо дня в день, из года в год. Даже истертая скатерть на столе все та же, что в дни его детства, замусоленная, пятнистая. Почерневший кофейник на газовой плитке. И овсянка, как всегда, пригорела.

После завтрака тетка осталась на кухне мыть посуду, а дядя Боб уселся у камина.

– Смотри, Ричард, не надрывайся там, – напутствовал брата дядя Боб. – Пусть молодое поколение вкалывает так, как мы с тобой. Хотя они все лентяи, свободные теперь ничегошеньки не делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.